О славянизмах в *Братьях Карамазовых*

Андрей Шишкин

1.

«Достоевский находит все то высокое духовное, чего он ищет, не воспаряя над землею, а прорываясь вглубь и даже опускаясь вниз. В этом его сходство с величайшим религиозным живописцем Европы, Рембрандтом», – писал 85 лет назад Владимир Вейдле (Вейдле 1936, 405). Попытаемся на нескольких случаях из *Братьев Карамазовых* показать, как Достоевский реализовал эту свою задачу в языковых регистрах.

Все мы помним финал *Братьев Карамазовых*. Это диалог между Алешей Карамазовым и Колей Красоткиным, мальчиком, по словам романа, «характера упорного, духа дерзкого и предприимчивого» (ПСС 14, 463), в прошлом организовавшего травлю Илюшечки, т.е. отчасти ответственного за его гибель. Было отмечено, что в репликах и рассуждениях притворяющегося "взрослым" и начитанного вразброс Коли Красоткина звучат штампы демократической и либеральной печати 1860-1870 гг., скрытые цитаты из Вольтера, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, а также из *Письма к Н.В. Гоголю* В.Г. Белинского[1].

Существенно тонкое наблюдение С.С. Хоружего, что в романе Коля Красоткин представляет собой образец гипер-диалогичности: идя по городу, он без конца заводит «диалоги со всеми встречными, знакомыми

[1] Ветловская 1976, 604; то же без изменений в Ветловская 2007, 562-67.

Andrei Chichkine, University of Salerno, Italy, achichkine@unisa.it, 0000-0002-8762-7791

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)
FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Andrei Chichkine, *About Slavonicisms in The Brothers Karamazov*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0122-3.16, in Dar'ja Farafonova, Laura Salmon, Stefano Aloe (edited by), *F.M. Dostoevsky: Humor, Paradoxality, Deconstruction*, pp. 185-194, 2023, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0122-3, DOI 10.36253/979-12-215-0122-3

ему и незнакомыми, без всякой нужды»; для Коли характерна перевозбужденность, горячечность диалога, его «перегретость», «аномальная температура» (Хоружий 2009, 52). Уточним еще, что в своих "беспокойных" диалогах Красоткин нередко занимает позицию провокатора. Обменивается репликами он с Алешей, в романе представителем «живого христианства», противопоставленного историческому «синодскому православию».

Вот что от имени рассказчика говорится на последних страницах *Братьев Карамазовых* о похоронах Илюшечки:

> Алеша еще у ворот дома был встречен криками мальчиков, товарищей Илюшиных. [...] Всех их собралось человек двенадцать (ПСС 15, 189).

Давно отмечена эта цифра – 12 – число апостолов (Ветловская 1976, 604; 2007, 189); что же до Алеши, то если не по возрасту, то по авторитету и харизме он оказывается их духовным вождем. После отпевания в церкви Красоткин, понизив голос, чтоб никто не услышал, говорит Алеше:

> – Мне очень грустно и если б только можно его *воскресить*, то я бы отдал всё на свете.
> – Ах, и я тоже, – сказал Алёша (ПСС 15, 194; здесь и далее курсив мой, *АШ*).

Затем в словах Коли Красоткина следует резкое тематическое снижение: предстоят поминки, и штабс-капитан, отец Илюшечки, напьется, так стоит ли мальчикам приходить? Последующая реплика Коли ставит под вопрос уместность традиций народного благочестия, поминальной трапезы:

> – Странно всё это, Карамазов, такое горе, и вдруг какие-то блины, как это всё *неестественно по нашей религии*!
> – У них там и сёмга будет [...] (ПСС 15, 194)

продолжает реплику Красоткина один из 12 мальчиков, Карташев, незаметно для себя переводя трагическое и высокое в совсем бытовое[2]. Хотя его слова продолжают предыдущую реплику Красоткина, они задевают, даже оскорбляют последнего, что не остается незамеченным для Алеши.

Наконец, все подходят к большому камню, около которого Алеша произносит свое "слово". В этой заключительной сцене интерпретаторы романа усматривают ряд символических аспектов, например:

сам "Илюшин камень", у которого собираются 12 мальчиков, описан как сакральное место; сама сцена дает основания для аллюзии на формулу «на сем камени созижду церковь мою» (Мф. 16:18);

[2] Обратим внимание на выражение «по *нашей* религии»: ведь, строго говоря, блины с семгой – не церковная традиция; не исключено, что Коля, примеривая на себя статус неофита, с рвением новообращенного готов обличать русское двоеверие с его поминальными блинами.

смерть Илюшечки становится основанием некоей новой общины или братства – прообраза новой церкви;

обращение «голубчики мои» к 12 мальчикам гипотетически комментируется как обращение к апостолам (Ветловская 1976, 604; 2007, 619);

преломление хлебной корки на могиле Илюши (ПСС 15, 192) – истолковано как евхаристический момент, а предполагаемые потом поминки в доме Снегирева – как поминальная агапа (Carrara 1990, 115; Плюханова 2003, 31)[3].

Именно после "слова" Алеши Красоткин вновь возвращается к начатой им теме, на этот раз прямо ставя вопрос ребром:

> – Карамазов! – крикнул Коля, – неужели и *взаправду религия говорит*, что мы все *встанем* из мертвых, и *оживем, и увидим опять друг друга, и всех,* и Илюшечку?
> – Непременно *восстанем,* непременно увидим и *весело, радостно* расскажем друг другу всё, что было, – *полусмеясь, полу в восторге* ответил Алеша (ПСС 15, 197).

Как отмечает современный исследователь, «Коля задает Алеше вопрос, на который всем своим романом Достоевский стремится ответить положительно» (Томпсон 200, 125). Но удовлетворясь этой констатацией, мы упустим существенный смысловой момент. Исследователи языка Достоевского отмечают один из его постоянных художественных приемов: прием нагнетания, углубления и дифференциации; в данном диалоге наиболее актуально последнее – дифференциация. В самом деле, соответствует ли ответ Алеши вопросу Коли? Об одном и том же ли они говорят?

2.

Здесь следует сделать небольшое отступление, обратясь к не столь давней статье Марио Капальдо, которая вышла под названием "На каком языке молчит Иисус, стоя перед Великим инквизитором?" (Капальдо 2013). Как отметил М. Капальдо, "Легенда о Великом инквизиторе" заключена в романе в своеобразную рамку. Рамка открывается фразой: «Он снисходит на "стогны жаркие" южного *города*» (ПСС 14, 226), а закрывается фразой «И выпускает Его на темные стогна *града*» (там же, 239).

«Стогна града», конечно, заимствование из *Воспоминания* Пушкина, но также и отсылка к Притче о Великом пире (Лк: 14.15-24), читаемой на литургии в неделю Св. Праотец, т.е. в предпоследнее воскресенье перед Рождеством. По мнению М. Капальдо, Достоевский ожидал, что для читателя эта связь будет очевидной.

[3] О хлебе в романе как христианском символе см. Деханова 2007, 488.

Вообще же, по М. Капальдо, «язык разговорный, телесный, светский [...], цветастая и многословная речь, [...] граничащая с вавилонским смешением языков» – противопоставлена у Достоевского немногословной речи, граничащей с молчанием (Капальдо 2013, 162-76)[4].

Не исключено, что можно оспорить или, напротив, дополнить отсылку М. Капальдо к тексту Апостола. Кажется, что в представлении Достоевского, да и вообще среднего русского читателя XIX века актуальнее была игра регистрами и смыслами однокоренной славянской и русской лексемы в хрестоматийном вступлении к *Медному Всаднику*, 1833 г.:

> Отсель грозить мы будем шведу,
> Здесь будет *город* заложен
> На зло надменному соседу.
> [...]
> Прошло *сто лет*, и юный *град*,
> Полнощных стран краса и диво,
> Из тьмы лесов, из топи блат
> Вознесся пышно, горделиво.

Читая форму «прошло сто лет», можно, казалось бы, удивиться хронологической вольности поэта: всем известно, что петербургский период русской истории исчисляется от года основания северной столицы, 1703 г. Но, как уже писали, для Пушкина решающей в его "петербургской повести" была древнеримская концепция *saeculum – столетие,* введенная реформой календаря Петра I и в допетровской культуре отсутствующая. Таким образом, закономерно, что в приведенных случаях *Медного всадника* русизм соответствует конкретному и историческому, а славянизм – универсальному и мифопоэтическому. Можно думать, что подобную тонкую игру регистрами русизмов и славянизмов мы видим и в диалоге Коли Красоткина и Алеши Карамазова: значение слова 'востанїе' по авторитетному словарю церковнославянского языка – прежде всего 'воскресение', в отличие от русизма 'вставать' (Дьяченко 1900, 97; Даль 1880, 275).

3.

Для удобства приведем несколько других контекстов идеоглоссы 'восстать' из романа *Братья Карамазовы*:

[В 10 главе 11 книги романа, после встречи с заболевшим Иваном:] «Алеша тихо улыбнулся. – Бог победит! [...] Или [Иван] *восстанет* в свете правды, или... погибнет в ненависти, мстя себе и всем за то, что послужил тому, во что не верит» (ПСС 15, 89).

[4] О смысловых регистрах молчания у Достоевского см. Джоунс 2007, а также новейшую работу: Ренанский 2022.

[В финале рассказа Зосимы о брате Маркеле:] «В свое время должно было всё *восстать* и откликнуться» (ПСС 14, 263)

В выпусках *Словаря языка Достоевского* идеоглосса 'восстать' не описана. В предварительном порядке, как кажется, возможно сблизить или сопоставить этот специальный термин писателя с идиоглоссой 'возродить' (Гинзбург 2001, 326-31; 2003, 112-14)[5].

Теперь имеет смысл вернуться к вопросу, обозначенному в конце предыдущего параграфа: об одном и том же ли говорят Коля Красоткин и Алеша? На наш взгляд – о разном.

Вот вопрос Коли:

> неужели и *взаправду религия говорит,* что *мы все встанем* из мертвых, и *оживем, и увидим опять друг друга, и всех,* и Илюшечку?

Можно отметить, что это грубоватая, а то и "корявая" речь ориентированного на секулярную культуру лаика, не знакомого и чуждого церковной традиции. Важно другое – она "неестественна": этот регистр языка не пригоден для диалога о религиозном.

Напротив, как стилистически, так и семантически к иной традиции принадлежит реплика Алеши:

> Непременно *восстанем,* непременно увидим и *весело, радостно* расскажем друг другу всё, что было, – *полусмеясь, полу в восторге* ответил Алеша.

Произнесена она, отметим, в "экстремальной" ситуации: наполовину как бы несерьезно, со смехом, наполовину в «восторге», – последнее слово, по словарю Даля, есть «воспарение духа, [...] восходящее иногда до ясновидения» (Даль 1880, 256). Слово Алеши в данном контексте не укладывается в известную бахтинскую классификацию: это не «житийное слово», не «проникновенное слово», не «слово с лазейкой»[6]. Важно еще, что это слово, сказанное в предвкушении грядущей «радости и веселья», и вот как раз здесь и оказывается столь актуальным наблюдение М. Бахтина, что порой «Достоевский переносит диалог в вечность, мысля ее как вечное со-радование, со-любование, со-гласие» (Бахтин 2002, 156)[7].

[5] В комментарии к словарной статье Е.Л. Гинзбург отмечает: «Показательно рамочное использование *возродить* и близкого ему по смыслу *воскресить* в одном и том же предложении: "Можно *возродить* и воскресить в этом каторжном человеке замершее сердце, можно ухаживать за ним годы и выбить наконец из вертепа на свет уже душу высокую, страдальческое сознание, возродить ангела, воскресить героя!" (БКа 31). "О, как вы возродили, как вы воскресили меня в одно мгновение!" (БрК 414). "Создалась бы Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути се разъяснила" (ДП 27:38)» (Гинзбург 2003, 113-14).

[6] См. Бахтин 2002, 776-77 (по указателю).

[7] Впрочем, современная писателю неевклидова геометрия, поднимающая вопрос о пятом измерении, говорила почти о том же; это отдельная тема поднята в исследованиях Кийко 1985 и Баршта 2018.

Положительный ответ Коле возможно дать, перенеся диалог на подобный мета-уровень, но формально данный ответ – не ответ Коле.

И действительно: Коля спрашивал: неужели и *взаправду религия говорит...* Алеша же опускает положительный ответ: *да, взаправду*. В контексте изложенных перед этим фрагментом "символических аспектов" Коля – как представляется – отвечает как духовный вождь новой религии.

Примечательно, что Достоевский как в реплике Коли, так и в ответе Алеши избегает однозначного слова «воскреснем»: быть может, оно и напрямую напрашивается, но отнюдь писателем не актуализировано[8]. Архаическое 'восстать' по сравнению с русским 'воскреснуть' – шире и глубже, в нем больше аспекта условного, абстрактного и одновременно универсального, мифопоэтического.

4.

Для контраста рассмотрим теперь диалог Ивана Карамазова с чертом в 9 главе одиннадцатой книги романа. Глава названа "Черт. Кошмар Ивана Федоровича". Как видим, уже самое ее название предлагает две различные интерпретации: 1) явление нечистой силы и 2) нечистая сила как производное болезни Ивана.

Черт дразнит Ивана и гаерничает, заявляя: «Моя мечта это – воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит» (ПСС 15, 73-4). Мечта "приживальщика" черта – инкарнация, воплощение.

С. Евдокимова комментирует следующий диалог Ивана с чертом, «схватившим ревматизм»:

> [Иван:] У черта ревматизм?
> [Черт:] Почему же и нет, если я иногда воплощаюсь. Воплощаюсь, таки принимаю последствия. *Сатана sum* et nihil humanum a me alienum puto.
> [Иван:] Как, как? *Сатана sum* et nihil humanum... Это неглупо для черта!
> [Черт:] Рад, что наконец угодил.
> [Иван:] А ведь это ты взял не у меня (там же, 74).

Сатана – по этимологии своего имени – 'противник', 'обвинитель', в том числе обвинитель на судебном процессе. Как показывает С. Евдокимова, черт в этой несовместимой комбинации русского и латинского богословским парадоксом non sequitur (то есть не соответствующим посылке),

[8] Известно, что в письме к своему в значительной степени единомышленнику Н.П. Петерсону от 24 марта 1878 г. Достоевский утверждал: «я и Соловьев, по крайней мере, – верим в воскресение реальное, буквальное, личное, и в то, что оно сбудется на земле» (ПСС 30_1, 14-5). 2 апреля 1878 г. Достоевский присутствовал на двенадцатой, заключительной лекции Вл. Соловьева "О Богочеловечестве". Тема была обозначена следующим образом: «Второе явление Христа и воскресение мертвых (искупление или *восстановление* природного мира)» (Фридлендер и Буданова 1999, 265; Соловьев 1989, 172).

искажая знаменитую цитату из комедии Теренция, намекает на идентичность демонической и человеческой природы (Evdokimova 2016, 223). Таким образом, добавим от себя, черт-судебный обвинитель передергивает, провоцирует, искажает фундаментальную истину.

Весь большой диалог Ивана и черта разворачивается вокруг признания или отрицания действительности воплощения зла в мире. Для нас существенно, что этот диалог идет с использованием точных языковых формул:

> [Иван:] Ни одной минуты не принимаю тебя за реальную правду, – как-то яростно даже вскричал Иван. – Ты ложь, ты болезнь моя, ты призрак. [...] [Черт:] Стало быть, одно маленькое мгновеньице ведь верил же, верил, верил, что я действительно *есмь*, мягко засмеялся джентльмен (ПСС 15, 72; ср. с. 320, 333).

> [Иван:] Лжешь! Цель твоего появления уверить меня, что ты *есь* (там же, 80).

> [Иван:] Ты хочешь побороть меня реализмом, уверить меня, что ты *есь*, но я не хочу верить, что ты *есь!* (там же, 75)[9].

Конечно, у читателя XIX века на слуху была хрестоматийная строка из державинской оды *Бог* – «Я есмь – конечно, есь и Ты!» (Державин 1864, 200). Но можно предположить, что писатель также не прошел мимо формулы из соловьевского "Чтения о Богочеловечестве", 1878:

> В Библии – на вопрос Моисея об имени Божием, он получает ответ: ehjeh asher ehieh [...] т. е. *я есмь я,* или я есмь безусловное лицо (Соловьев 1912, 71).

Можно думать, что славянский глагол в контексте романа, принадлежа к классу авторских идеоглосс, несет характер безусловного, онтологического высказывания, на которое претендует "противник", но которое, в плане языкового воплощения, ему не принадлежит, являясь для него в чистом виде "чужим", присвоенным словом. Отдадим должное как богословской точности, так и лингвистическому мастерству автора романа.

Цитируемая литература

Carrara, Alberto. 1990. *Epopea cristiana del popolo russo. Temi di teologia nei* Fratelli Karamazov. Milano: Vita e Pensiero.

Evdokimova, Svetlana. 2016. "Dostoevsky's Postmodernists and the Poetics of Incarnation." In *Dostoevsky Beyond Dostoevsky: Science, Philosophy, Religion,* ed. by Svetlana Evdokimova & Vladimir Golstein, 213-35. Boston: Academic Studies Press.

Баршт, Константин А. 2018. "Тема самоубийства и неевклидово пространство в творчестве Федора Достоевского." *Slavica Wratislaviensia* 167: 133-46, https://u.to/m3KPHA (28.02.2023).

[9] Отметим лишний раз филологическую акрибию издателей академического Ф.М. Достоевского, сохранивших правописание первого издания романа.

Вейдле, Владимир. 1936. “Мысли о Достоевском.” *Современные записки* 62: 401-9, https://u.to/9lmPHA (28.02.2023).

Ветловская, Валентина Е. 1976. “Реальный комментарий [к роману «Братья Карамазовы»].” В кн. Федор М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 30 тт.*, т. 15. Ленинград: Наука, https://u.to/w3KPHA (28.02.2023).

Ветловская, Валентина Е. 2007. “Реальный комментарий [к роману «Братья Карамазовы»].” В кн. Валентина Е. Ветловская, *Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»*, 409-619. Санкт-Петербург: Изд. «Пушкинский Дом».

Гинзбург, Елена Л. 2001. “Идиоглосса: к вопросу о выразительности контекста.” В кн. *Слово Достоевского 2000.* Сб. статей, под ред. Юрия Н. Караулова и Ефима Л. Гинзбурга, 324-53. Москва: Азбуковник.

Гинзбург, Елена Л. 2003. “«Возродить».” В кн. *Словарь языка Достоевского: лексический строй идиолекта,* гл. ред. Юрий Н. Караулов 112-14. Москва: Азбуковник, https://u.to/92mLHA (28.02.2023).

Даль, Владимир И. 1880. *Толковый словарь живаго великорусского языка,* т. 1. Санкт-Петербург – Москва: Тип. М.О. Вольфа.

Державин, Гаврила. 1864. *Сочинения Державина,* с объяснительными примеч. Якова Грота, т. 1, ч. 1. Санкт-Петербург: Изд. Имп. Академии Наук, https://u.to/HFqPHA (28.02.2023).

Деханова, Ольга А. 2007. “Театр трапезы и Винная карта трапезы в романе «Братья Карамазовы».” В кн. *Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения,* под ред. Татьяны А. Касаткиной, 483-507. Москва: Наука, https://u.to/S1qPHA (28.02.2023).

Джоунс, Малькольм. 2007. “Молчание в «Братьях Карамазовых».” В кн. *Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения,* под ред. Татьяны А. Касаткиной, 435-45. Москва: Наука.

Дьяченко, Григорий. 1900. *Полный церковнославянский словарь.* Москва: Тип. Вильде, http://www.slavdict.ru/ (28.02.2023).

Капальдо, Марио. 2013. “На каком языке молчит Иисус, стоя перед Великим инквизитором?” *Текст и традиция*: альманах № 1, 162-76. Санкт-Петербург: Росток, https://u.to/W1qPHA (28.02.2023).

Караулов, Юрий Н., главный ред. 2003. *Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта.* Москва: Азбуковник, https://u.to/92mLHA (28.02.2023).

Караулов, Юрий Н., главный ред. 2008. *Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А – В.* Москва: Азбуковник, https://u.to/d2iLHA (28.02.2023).

Кийко, Евгения И. 1985. “Восприятие Достоевским неэвклидовой геометрии.” В кн. *Достоевский. Материалы и исследования,* т. 6, Ленинград: Наука, https://u.to/eFqPHA (28.02.2023).

Плюханова, Мария Б. 2003. “Достоевский и Толстой: взгляд в Италии.” В кн. *Толстой или Достоевский? Философско-эстетические искания в культурах Востока и Запада,* под ред. Всеволода Е. Багно, 19-40. Санкт-Петербург: Наука, https://u.to/jlqPHA (28.02.2023).

Ренанский, Александр Л. 2021. “Феноменология молчания в ранних произведениях Достоевского.” В кн. *Достоевский. Материалы и исследования,* т. 23, 13-28. Санкт-Петербург: Нестор-История, https://u.to/DwaGHA (28.02.2023).

Соловьев, Владимир С. 1912. *Собрание сочинений,* т. 3. Санкт-Петербург: Просвещение.

Соловьев, Владимир С. 1989. “Чтения о Богочеловечестве.” В кн. Владимир С. Соловьев, *Собрание сочинений,* т. 2, 5-174. Москва: Правда.

Томпсон, Диана Э. 2000. *«Братья Карамазовы» и поэтика памяти*. Санкт-Петербург: Академический проект.

Фридлендер, Григорий М., и Нина Ф. Буданова, под ред. 1999. *Летопись жизни и творчества Достоевского*, т. 3: *1875-1881*. Санкт-Петербург: Академический проект, https://u.to/YUyPHA (28.02.2023).

Хоружий, Сергей С. 2009. "«Братья Карамазовы» в призме исихасткой антропологии." В кн. *Достоевский и мировая культура*, альманах № 25, главный ред. Карен А. Степанян, 13-56. Москва: Классика Плюс.